

СРПСКИ ИСТОРИЈСКИ ИНСТИТУТ
Л. Бр. 2817/4
П. Бр. 2744

ЈУЖНОСЛОВЕНСКИ ФИЛОЛОГ

таб. 3 1/2

ПОВРЕМЕНИ СПИС
ЗА СЛОВЕНСКУ ФИЛОЛОГИЈУ И ЛИНГВИСТИКУ

УРЕЂУЈЕ

А. БЕЛИЋ

УЗ

СТАЛНУ САРАДЊУ

г. г. А. МЕЈЕ-А, проф. Collège de France, А. СТОЈИЋЕВИЋА, проф. Унив. у
Љубљани, К. ЊИЧА, проф. Унив. у Кракову, Љ. СТОЈАНОВИЋА, акад. у
Београду, М. РЕШЕТАРА, проф. Унив. у Загребу, О. ХУЈЕРА, проф. Унив.
у Прагу, Р. НАХТИГАЛА, проф. Унив. у Љубљани, СТ. ИВШИЋА, проф.
Унив. у Загребу, СТ. М. КУЉБАКИНА, проф. Унив. у Београду, ФР. ИЛЕШИЋА,
проф. Унив. у Загребу, ФР. РАМОВША, проф. Унив. у Љубљани и Х. БАРИЋА,
проф. Унив. у Београду.

Ова је књига ~~дигресијом~~ књига IV.

Подвлачио речи Св. Марковљ

Исписивао речи 2. Јашић

Листићи проверени и сређени по реду текста.

Број листића: 119 - 9 = 110

Београд, 26-III - 1949 год.

Евидентичар

Милан Бајевић

БЕОГРАД, 1924.

Русские рукописи XI и XII вв., как памятники старославянского языка.

I. Предварительные замечания.

Старославянский язык, т. е. тот литературный язык, который создан был Кириллом и Мефодием и их учениками и усвоен южнославянскими и русскими книжниками, известен из рукописей, частью южнославянских, частью русских, писанных значительно позднее; так, древнейшие рукописи ю.-сл. письма не раньше конца X в., а древнейшие рукописи русскаго письма не раньше 2-й половины XI в. Эти рукописи представляют ряд отклонений от того первоначального типа ст.-сл. языка, какой сложился в IX и начале X в. Для суждения об этом первоначальном типе больше всего данных содержат рукописи, наиболее близкие по времени к IX в., т. е. рукописи с конца X до начала XII в. Большая часть таких рукописей, в том числе все датированные рукописи XI и начала XII в., писаны русскими писцами. Но до сих пор для суждения о фонетике и морфологии¹ ст.-сл. языка привлекались почти исключительно рукописи, писанные на юге славянства, по крайней мере, в трудах общего характера,² и только для одной рукописи, писаной русскими писцами, именно Остромирова Евангелия, делалось исключение, и то не всеми. Остальные памятники русского письма с этой целью или не привлекаются, или привлекаются, как это делает Вондрак в *Aksl. Gramm.*, только для указания тех изменений, какие претерпел ст.-сл. язык на русской почве. Правда, русские рукописи отражают ю.-сл. орфографическую традицию в восприятии русских писцов, говоривших на другом языке и потому несколько её искаживших, а в ю.-сл. рукописях отражается

¹ Для суждения о словарном составе ст.-сл. яз. привлекаются и русские рукописи, не только XI—XII в., но и более поздние и при том с большим успехом в работах Ягича, Евсева, Соболевского, Михайлова, Погорелова и др.

² Из специальных монографий я знаю только две попытки извлечь из памятников русского письма материал для характеристики языка их ю.-сл. оригиналов; это — давнишнее, неудачное уже для того времени „Исследование“ Будиловича о языке 13 слов Григория Богослова по списку XI в., вышедшее в 1871 г., и интересная статья Копко о языке Пандектов Антиоха XI в. в *Изв. XX*, 3 и 4 (1915).

в значительной степени эволюция тех говоров, которые легли в основу ст.-сл. языка, но незначительное количество этих рукописей не даёт возможности в достаточной мере судить ни об этой эволюции, ни о первоначальном типе ст.-сл. языка; искажения же, внесённые русскими писцами XI и нач. XII в., очень незначительны. Поэтому русские рукописи, восходящие к ю.-сл. орфографической традиции первой половины XI в., имеют большое значение, помогая судить и о самом ст.-сл. языке и об эволюции его у южных славян в X и XII вв. с большей ясностью, чем это можно сделать, пользуясь памятниками только ю.-сл. письма.

Чтобы разобраться в том матерьяле, какой дают русские рукописи XI и начала XII в. для суждения о фонетике и морфологии ст.-сл. языка и ю.-сл. говоров X и XII вв., я использовал большую часть рукописей московских рукописных собраний, которые можно относить к XI и первой половине XII в., привлекая частью и некоторые рукописи 2-й половины XII в., более архаичные по своему письму. Из рукописей, находящихся вне Москвы, я изучил по изданиям лишь немногие.

Так как матерьял, привлекаемый мною, по большей части, до сих пор оставался неизвестным, то мне приходится в своей работе не только ссылаться на те или другие особенности правописания памятников, но приводить самый матерьял, что очень увеличивает её размеры.

Анализ правописания русских рукописей XI и XII в. привёл меня к выводу, что большая часть русских писцов в своём правописании руководилась не столько написаниями своих непосредственных оригиналов и своим живым произношением, сколько усвоенной ими традиционной орфографией и особым книжным или церковным произношением. Влияние последнего особенно сильно было там, где рукопись писалась не для келейного употребления, а для публичного произнесения или для пения; таковы, напр., евангелие, псалтирь, служебные минеи, кондакарь; при этом при чтении евангелия на правильность церковного произношения могло обращать больше внимания, чем, наприм., при чтении псалтири. Требования церковной дикции были настолько настоятельны, что для неё (отнюдь не для передачи своего живого произношения!) писцы намеренно отступали даже от орфографии всех своих ст.-сл. оригиналов, сохраняя её, насколько позволяла их грамотность, там, где она не мешала этой дикции. Ср. в 1-ом почерке Остром. Ев. последовательное употребление сочетаний с

ѣ, ъ перед плавными при сохранении правильной за ничтожными исключениями постановки ж, хотя правильная постановка ж для писца была, конечно, гораздо труднее, чем последовательное употребление ѣ, ъ после плавных согласно требованиям ст.-сл. орфографии. Орфография, усвоенная русскими книжниками, как и их книжное произношение, основывались на орфографии и произношении, принесённых на Русь ю.-сл. книжниками. В свою очередь орфография, с которой познакомили русских в XI в. ю.-сл. книжники, отражала различные стадии в развитии ю.-сл. говоров X и XI в. и могла поэтому не соответствовать вполне ни ст.-сл. языку первоучителей, ни языку этих книжников. Самое литературное произношение южных славян, не находя себе полного соответствия в правописании, могло в то же время не совпадать и с живым народным произношением, хотя, конечно, это несовпадение не могло быть значительным. Усвоение ю.-сл. правописания русскими писцами осложнялось еще тем, что с появлением письменности на Русь проникли книги, орфографические системы которых были различны и частью расходились с теми системами, которые усваивали русские непосредственно от южных славян, прибывших на Русь; правописание ю.-сл. рукописей, служивших оригиналами для русских списков, не могло не отразиться на этих списках и в том случае, если оно сильно расходилось с общепринятым правописанием. Но старания сохранить написания непосредственного подлинника в том случае, если эти написания расходились с орфографическими навыками писцов, по большей части не было, как показывают рукописи, списанные несколькими писцами с одного оригинала. Таким образом правописание русских рукописей XI и XII в. представляло комбинацию усвоенной писцами традиционной орфографии с правописанием их непосредственных оригиналов, осложнённую ассоциацией написаний с книжным произношением, которое в свою очередь находилось под известным влиянием живого народного произношения. В тех случаях, когда русская рукопись не являлась списком с ю.-сл. оригинала, а представляла оригинал или список перевода, сделанного русскими переводчиками, или оригинального русского произведения, в такой рукописи мы, конечно, не найдём следов непосредственного ю.-сл. оригинала, но особенности традиционной орфографии остаются те же, что и в рукописях, списанных с ю.-сл. оригиналов. Так, в Успенском Сборнике XII в., писанном двумя писцами, правописание первой половины жития Феодосия, писанной первым писцом, не отличается от правописания переводных повести

прор. Иеремии и жития Афанасия, а правописание второй половины жития Феодосия, писанной вторым писцом, — от правописания писанных им же житий Ирины и Иова, между тем как правописание этих двух частей жития, восходящих к одному оригиналу, сильно различается. Поэтому такие рукописи могут привлекаться для выяснения особенностей ст.-сл. языка и правописания, усвоенных русскими писцами, с таким же правом, как и списки с ю.-сл. оригиналов. На этом основании я пользуюсь в своей работе не только русскими рукописями, восходящими к ю.-сл. оригиналам, но и русскими, Сказанием о Борисе и Глебе и Житием Феодосия Печерского в списке XII века, списками церковного устава, переведённого, по видимому, на Руси в середине XI в., и списком т. наз. Синайского Патерика, относительно которого не уверен в том, переведён ли он на славянском юге или на Руси.¹ Но приписки и записи в русских рукописях XI и XII в., а также такие памятники делового письма, как надпись на Тьмутороканском камне 1068 г. и Мстиславова грамота около 1130 г., я не привлекаю.

Не имея в виду исчерпать все даваемые памятниками русского письма указания на ст.-сл. язык и правописание и на их эволюцию у южных славян в X и XI вв., останавлиюсь лишь на следующих фактах:

1. носовые гласные: а) замена ж, љ буквами оу, ю и смешение ж, љ с оу, ю; б) смешение љ, љ с а, я; в) смешение ж и љ; г) следы замены љ через е; е) следы 3-ей носовой (в имен. ед. причастий с основой на твёрдую);

2. некоторые случаи, относящиеся к употреблению ѣ и ъ: а) сохранение и пропуск ѣ и ъ, б) замена ѣ и ъ буквами о и е, в) ѣ вместо ъ после шипящих;²

3. сочетания ѣ и ъ с плавными;

¹ Сомнения в том, что Синайский Патерик переведен на юге славянства, а не на Руси, до сих пор никем не высказывалось; наоборот, все учёные, занимавшиеся его изучением, единогласно высказывались за ю.-сл. происхождение перевода. Однако соображения, приводимые в пользу этого, мне представляются недостаточно убедительными. В то же время, так как обилие руссизмов в правописании и лексике Синайского Патерика может объясняться и манерой писца, не имевшего перед собой выработанной традиционной орфографии и не овладевшего в достаточной мере литературным языком, но при этом не считавшего для себя обязательным точное сохранение правописания и словоупотребления оригинала, то вопрос о месте перевода Синайского Патерика для меня является открытым.

² Вопрос о месте ѣ и ъ не после шипящих в виду его сложности здесь не рассматриваю.

4. употребление **ѣ**;
5. начальные **ѣ** и **и**;
6. начальные *po* и *lo* из о.-сл. *or*, *ol*;
7. ст.-сл. **л**, **н**, **р** смягченные;
8. ст. сл. **з**, **ц** и **с** смягченные;
9. шипящие и сочетания *шш*, *жд*: а) передача ст.-сл. *жд* из *zđj* или *zgj*, б) передача ст.-сл. *жд* из *dj*, в) передача ст.-сл. *шт* из *stj*, д) передача ст.-сл. *шт* из *tj* и *kt*; е) обозначение мягкости шипящих;
10. т. наз. *l epentheticum*;
11. твор. ед. на *ѣмь*, *ьмь*, *имь* и *омь*, *емь*, *имь*;
12. 3 л. глаголов на *-тъ* и без окончания;
13. несигматический аорист.

Чтобы не увеличивать непроизводительно размеры и без того непомерно разросшейся статьи, я не вступаю в полемику и, по возможности, избегаю ссылок на своих предшественников. Думаю, что главнейшие труды по вопросам, рассматриваемым мною, моим читателям известны, и надеюсь, что умолчание о выводах моих предшественников, совпадающих с моими или противоположных им не будет принято в первом случае за желание приписать себе чужие мысли, а во втором за игнорирование чужих мнений. Но не могу не упомянуть о том, что считаю себя во многом обязанным Шахматову, в исследованиях которого много сделано для выяснения роли ю.-сл. элементов в русском церковном или литературном языке с древнейшей эпохи.

II. Обзор рукописей.

Перечислю использованные мною памятники русского письма с теми замечаниями, гл. обр. палеографическими, которые мне кажутся необходимыми для составления о них предварительного понятия, и с указанием тех несомненных руссизмов, которые не вошли ни в одну из русских орфографических систем XI и XII в. и встречаются в рукописях лишь как отступления от системы,¹ так как такие руссизмы наиболее ярко рисуют отношение писцов к передаче своего живого произношения. Библиографических указаний на издания и статьи, посвященные отдельным памятникам, не делаю: их можно найти у проф. Ст. М. Кульбакина — „Древне-

¹ Ниже, говоря о „руссизмах“, я имею в виду только такие руссизмы, а не руссизмы орфографической системы.

церковно-славянскій языкъ“ и у меня: „Очерк истории русского языка“. М. 1924.¹

1. Остромирово Евангелие 1056 г. [OE].² Основная часть (евангельский текст) писана двумя писцами: 1. лл. 1—24 об. [OE¹] и 2. лл. 25—289. [OE²]. В части, писанной 2-м писцом, заголовки и календарные заметки писаны частью первым писцом, частью 3-м, не писавшим ничего, кроме заголовков [OE³]. Первый писец отличается большей последовательностью в проведении определенной орфографической системы: он везде передает *г*, *!* начертаниями *ѣл*, *ѣр*, *ѣр*, постоянно пишет в имперфекте *ма* в нестяженных формах и **ѣ** в стяженных; в остальных отношениях он выдерживает ст.-сл. орфографию с такой же правильностью, как и второй писец. Вторым писец допускает колебания там, где его орфографические навыки и церковное произношение разошлись с правописанием оригинала, и в передаче *!*, *г* чаще следует ст.-сл. орфографической традиции. Руссизмов, не вошедших в русские орфографические системы XI и XII в., в OE¹ нет, в OE² — окончание **ѣ** вместо **л**: *капѣ* им.-мн.; в OE³ — *мѣѣ* род. ед.

2. Изборник 1073 г. [И 73]. Основная часть писана 2-ми писцами: 1. лл. 1—86 (не до конца) и 264—265 об. [И 73¹] и 2. лл. 86—263 об. [И 73²]. Кроме того, одна страница, л. 127 об., оставшаяся пустой, была заполнена кем то в начале XV в. Графика 1-го и 2-го писца представляет много общего: оба употребляют *ы*, йотированное **ѣ** и, изредка, *л*, *н*, оба передают сочетание *ju* в начале слова и после гласных буквою *ж* (И 73¹) или *ѣж* (И 73²), оба обозначают мягкость согласных с помощью значка *spiritus lenis* над согласной или, чаще, следующей гласной; оба употребляют *ж* и *ѣж*, *ѣ* и *ѣ*, *л* и *ѣл* или *л* почти безразлично, не обозначая написанием йотированных букв непременно мягкость; в то же время графика и правописание каждого писца отличается и своими индивидуальными чертами. Первый писец различает *spiritus lenis*,

¹ Т. к. большая часть существующих изданий памятников русского письма не свободна от опечаток и других неточностей, то пользоваться ими можно только при сверке изданий с подлинными рукописями. То же следует сказать и о статьях и исследованиях, посвященных языку этих памятников, тем более, что часть их (напр., работы Обнорского и Корнеевой) написана на основании не вполне точных изданий. Совершенно неудовлетворительными, дающими превратное понятие о языке исследуемых памятников, являются работы Розенфельда и Шимановского о языке Изборников 1073 и 1076 г.

² В квадратных скобках — обозначения, принятые мною в дальнейшем изложении.

который он ставит для обозначения мягкости согласных, пропуска *ъ* и *ь*, а также в начале слова и после гласных над буквами *а* и *е*, и *spiritus asper*, ставящийся им над буквами *и*, *о*, *оу*, *ж* в начале слова и после гласных; кроме того он употребляет также знак $\checkmark$ для обозначения пропуска *оу* в конце строки; 2-й писец употребляет только один знак *spiritus lenis*; 1-й писец постоянно пишет *ы*, буква *ы* у него почти не встречается; второй писец пишет постоянно *ы*, а букву *ы* только в конце строки; 1-й писец обыкновенно сочетание *ju* обозначает буквою *ж* нейотированной; 2-й везде пишет *ж*. В правописании в собственном смысле главное различие между 1-м и 2-м писцом состоит в том, что 1-й писец передает *й*, *г* постоянно написаниями *ѣл*, *ѣр*, *ѣр*, а второй обычно сохраняет ст.-сл. порядок, и только изредка пишет *ъ*, *ь* по обе стороны плавных или перед плавными; кроме того 1-й писец постоянно пишет *окъ-* и *донъдеже*, 2-й — *объ-* и *донъдеже*. Руссизмы у обоих писцов сравнительно часты: И 73¹: *полногласие*: *вереди*, *черепаи*, *оудорожь*, *вередити*, *полонъ* (несколько раз), *полонынкъ*, *полонынкъ*, *безчеловѣчьном* (при обычном *человѣкъ*); *ч* вместо *шт* довольно часто, но только в основе *чоужд-* или *чоуж-*; падежные формы на *ѣ* вместо *а*: *троицѣ*, *своиѣ*; несколько раз *даш.-местн.* *тоѣѣ*, *соѣѣ*. К руссизмам, может быть, относятся и редкие случаи с *о* в приставке *роз*: *розуѣмѣни*, *рославлени*, а также слово *одѣва*.

И 73²: *полногласие*: *порсате* 251 а; с пропуском *о* перед плавной: *сломена* 160 б (ср. *саѣмнѣхъ* *ib.*); также часто *ѣ* перед *а* в основе *человѣк-* и один раз: *чоловѣка* 179 с; обычно с двумя *ѣ* пишется основа *серебр-*; *ѣ* и *ѣ* в *падежных* *окончаниях* *вместо* *а*: *отѣ* *неѣ*, *оу* *ниѣ*; *даш.-местн.* *тоѣѣ*, *соѣѣ* (редко); начальное *ро*, *ло* значительно чаще, чем в И 73¹: *рокетати*, *роѣѣ*, *роѣ* р. ед. ж., *розѣи*, *розѣинокѣ*, *розѣѣ* *лапмон*, *розѣѣнѣ*, *розуѣмѣти*, *розуѣмѣ*, *роспа са*, *лодѣи*, *лѣѣѣѣ* и др.

3. Туровские евангельские листки¹ [ТЛ], всего 10 листов (19 страниц). Очень архаичны по начертаниям букв и по правописанию. Руссизм только: *серебро* 2 раза.

4. Тринадцать слов Григория Богослова XI в. [ГБ]. Очень обширная рукопись в 376 л. большого формата. Списана с глаголического оригинала, следы которого остались в виде встречающихся несколько раз глаголических букв, смещения кое-где *ѣ* и *ѣ* и некоторых других ошибок. По правописанию очень архаична и стоит в сильной зависимости от своего ю.-сл. оригинала.

¹ Я пользовался литографированным факсимильным изданием 1868 г.

Руссизмов очень немного: *полногласие*: *холокѣхъ* 122 а (ср. *хлакѣмѣ* 180 б), *коротитѣ са* 246 а; Будилович в Изсл. указывает также *городоу* 73 б, но в изд. напечатано *градоу*; остальные примеры *полногласия*, указываемые Будиловичем, в приписках; ср. „антируссизм“ *панени* (= *пѣн-*) 360 б; *ч* вм. *шт*: *посѣчи* 102 д, *чоужд* 122 б, *чоужго* 376 а; чаще (раз 10 или больше) — *шч* вм. *шт*. Текст рукописи подвергся позднее правке, причем поздний корректор на лл. 1—10 б переправил почти все *ь* в сильном положении на *ѣ*, а также внѣс и некоторые другие поправки. На дальнейших листах следы таких поправок очень редки.

5. Слова Кирилла Иерусалимского XI в. Московской Патриаршей Б-ки № 478 (Моск. Историч. Музей) [КИ]. Большая рукопись на 270 листах. Текст рукописи подвергся позднее правке, состоявшей главным образом в том, что справщик выскабливал букву *ь* в слабом положении в середине слова и иногда исправлял *ъ* и *ь* на *о*, *ѣ* и *ѣ*; впрочем эти поправки очень заметны и почти всегда можно отличить случаи с пропущенным *ь* от случаев с выскобленным *ь*, а также *о*, *ѣ*, *ѣ*, написанные писцом, от *о*, *ѣ*, *ѣ*, переправленных поздним корректором из *ъ*, *ь*. Руссизмов немного: *ро* *вместо* *ра* в *соотвѣстѣнии* с русским *оро*: *възвротени* 255 (ср. ниже, № 6, Син. Пат.), *начальное о* *вместо* *ѣ*; *одниѣ* 41, *осени* 157 об., в греч. слове: *осениѣ* 126; несколько раз *ч* в основе *чоужд-* или *чоуж-*: *чоуждѣ* 2 об., *чоужго* 9 об., *чоужихъ* 206 об., а также: *трепчоуште* 35 об., *хочеть* 224 об., *възвротени* 225; *ѣ* *вместо* *а* в *падежных* *окончаниях*: (во всех примерах только после *ц*): *роудильницѣ* им. мн. 6, *исѣтъмницѣ* 58 об., 164 об., *птицѣ* им. мн. 82, *изѣѣницѣ* 128 об.; несколько раз *даш.-местн.* *тоѣѣ*, *соѣѣ*; довольно часто: *серебро*, *серебряникѣ* и пр. М. б., руссизм — *начальное ро*: *розѣѣнѣ* 81 об., *розуѣмѣште* 84 об., *роспаѣни* 157, 157 об., 176, *розѣѣхъ* 182 об., *порокетати* 249 об.

6. Синайский Патерик, точнее: Луг Духовный (*Λυγὸν Πνευματικόν*) или Лимонарь (*Λιμονάριον*) Иоанна Мосхова, рукопись XI в. Моск. Патриаршей Б-ки № 551 (Моск. Историч. Музей) [СПТ], на 182 листах небольшого формата. Вопреки мнению большинства исследователей, но в согласии с Шахматовым отношу эту рукопись к XI в.: в ней нет начертаний, появляющихся только в конце XI в. или позднее; в то же время встречается, особенно на страницах, писанных косым почерком, очень архаичное *ѣ* с *мачтой* не выше уровня строки и с очень низко опущенным коромыслом, напоминающее *ѣ* в Сав.; очень архаичный характер носит попа-

дающийся на некоторых страницах наклонный почерк. Правописание рукописи отличается неустановленностью, отсутствием выдержанной системы и обилием руссизмов: *полногласие*: *злотъникъ* . . .,¹ *оумерети* . . ., *веремъ*, *черевикъ*, *небережахоу*, *перегноукъ*, *окоротити*, *хворостна*, *мороморкъ* и др.; нередко в таких случаях о только после плавной: *злотъникъ* . . ., -кы, -цкъ, *повлочи*, *пловиша*, *окровиша сѧ* (= *сворониша сѧ* = защитились), *вроты*; *начальное о* вместо *ѣ*: *одинъ* . . ., *одиноу* . . . и пр., очень часто, наряду с *ѣдинъ* и пр., *олнко* . . . (часто), *олишьды*; *ч вмѣсто шт*: *чюжь*, *чюжимъ*, *чюждимъ* и пр., *хочешн* . . ., *хочемъ*, *овьчь*, *дъчькж*, *шпъчюща*, *скръжчюща*; *къ вмѣсто ѡ* в *падежныхъ* *окончанияхъ*: *до землкъ*, *свокъ волы*, *лоуцкъ*; *дѣш.-мѣстн.* *тѣкъ* . . ., *совкъ*; слово *оже* (часто), чередующееся с *ѣже* и *нже*; вероятно, руссизмами являются и *начальные ро*, *ло*: *робж* (в. ед. ж.), *рѣкою*, *рѣвнцѧ*, *рѣвнцнцѧ*, *рѣбота*, *рѣзвнцкъ*, *рѣспоръши*, *росыпа*, *локътню*, а также слова: *още* (часто) и *одъва* . . .

7. Пандекты Антиоха XI в. из собрания б-ки Новоиерусалимского монастыря (Моск. Историч. Музей) [ПА]. Рукопись не очень большого формата на 308 листах, списана, повидимому, с ю.-сл. глаголического оригинала несколькими переписчиками, которые довольно близко следовали своему оригиналу, отступая в угоду ему от установившейся орфографической традиции. Руссизмов немного: *полногласие*: *черѣ* | *днь* 21, с пропуском *о* перед *р*: *хромнж* (= *храмнж*) 251; кроме того: *серебро*, *серебра bis*, *тѣкъ* 1 раз; три раза — начальное *ро*: *въздоста*, *рокоты*, *розгнкънжтъ*.

8. Чудовская Псалтирь с толкованиями Феодорита XI в. [ЧПС]; рукопись на 175 листах. Правописание выдержано; руссизмов немного: *полногласие*: *иштерѣка* (= из *чръка*); ср. „антируссизм“: *плагннн* (вм. *плѣнн*) 48 г; *начальное о* *вмѣсто ѣ*: *одинѣ*; *н* (из *къ*) в *падежныхъ* *окончанияхъ* вместо *ѡ*: *ѣдинѣ*, *одинѣ*, *различъннѣ*, *совкъ*.

9. Архангельское Евангелие, конца XI в. [АЕ]. Писано несколькими писцами; 1. л. 1—76 об. [АЕ¹], 2. л. 77—175 [АЕ²], 3. л. 177 (лицевая сторона) [АЕ³], 4. л. 178—178 об. [АЕ⁴]. АЕ² является непосредственным продолжением АЕ¹, но писец АЕ² начал свою работу раньше, чем было закончено АЕ¹; первый писец, начиная с л. 73 об., старался уместить окончание своей работы на оставшихся 3 1/2 листах, и потому на этих 7 страницах число строк вместо 21, как на первых 73 листах, колеблется от 22 до 25. В конце АЕ², на лл. 174 об.—175 находится запись, в которой 2-й,

¹ Многогочием заменяю слова: „несколько раз“.

писец называет своё имя — Мичка, — но не сообщает даты. Следующие 3 1/2 стр. (лл. 175—176 об.), содержащие воскресные утренние евангелия, кончая евангелием 7-м, писаны, повидимому, тем же писцом, который писал лицевую сторону л. 177 (АЕ³) содержащую конец 10-го воскресного утреннего евангелия и запись писца с датой 6700 (=1092) г.: приблизительно тоже число строк на странице, та же высота букв и те же особенности правописания, но позднее письмо на этих страницах (лл. 175—176 об.) было кем то наведено другими чернилами с искажением первоначальных начертаний букв. Т. о., между лл. 176 и 177 надо предполагать пропуск 2-х листов, содержавших воскресные евангелия с конца 7-го, кончая началом 10-го. Так как 3-й писец начал свою работу, в таком случае, непосредственно вслед за записью Мички, с середины 175 л., то АЕ² следует относить к более раннему времени, чем АЕ³, т. е. ко времени не позже 1092 г. Что касается АЕ¹, то оно написано во всяком случае не раньше АЕ²; судя по архаичным начертаниям букв, можно думать, что писец АЕ¹ не восполнял утраченное начало АЕ², а выполнял тот же заказ, что и писец АЕ² разделенный между двумя лицами, и относить АЕ¹ и АЕ² к одному времени. АЕ⁴ писано в конце XI в., но в органической связи с АЕ¹, АЕ² и АЕ³ не стоит. Л. 177 об. в XI в. оставался пустым и был заполнен позднее (в XIII в.?). АЕ¹, АЕ² и АЕ³ сильно отличаются друг от друга и по начертанию букв и по правописанию. АЕ¹ написано крупным небрежным и неизыщным почерком, но начертания некоторых букв, наприм. *къ*, очень архаичны; изредка употребляется *ж*, мягкость согласных не обозначается; *ѣ* и *н*, *ѡ* и *и* не различаются; правописание не выдержано. Почерк АЕ² мельче и изящнее: *ж* почти не употребляется; *н* и *ѣ*, *ѡ* и *и* различаются с большой правильностью (*ѡ* и *и* — не в смысле ст.-сл. орфографии); употребляются изредка буквы *г* и *н*, и вообще довольно строго различаются *л* и *и* мягкие и немягкие;¹ правописание представляет определённую, довольно строго выдержанную систему. Почерк АЕ³ еще мельче и отличается некоторой манерностью; начертания букв иные; *и* не употребляется, а пишется исключительно *ѡ*; мягкость согласных не обозначается. Оригиналы АЕ¹ и АЕ², может быть, разного происхождения: в АЕ¹ употребляется несигматический аорист и есть некоторые словарные отличия от АЕ², ср. *соукамннкъ* АЕ¹, *смоковню* АЕ² и др. Руссизмы АЕ¹: *полногласие*: *по берегоу* 31 об.; *ч вмѣсто щ*: *чюждимъ*, *чюждннхъ* 6, *възлечи* 5, *наречи*

¹ См. мою статью: в *Slavia*, т. II. с. 4.

бания, напр., в употреблении ж и ж, в передаче ст.-сл. лъ, ль, ръ, рь. Отмечу употребление д с крючком для обозначения д мягкого в сочетании жд 2 раза. Руссизмы: начальное о вместо е: *одиноу* 174 а, *одина* 182 с; ч вместо ш: *чюждемъ* 17 d, *по чюжемъ же* 196 с, *чюжинухъ* 197 а, *мечюще* 154 а, в, *мечкъмъ повелит.* 159 с; к в падежных окончаниях вместо л: *птицѣ* в. мн. 34 в, им. мн. 38, 57 с, 78 d, *оу мытарьницѣ* 38, *отъ конѣ змѣраныа* 130 в, *овыцѣ* р. ед. 189 в; *отъ землѣ* 211 а, *овыцѣ* им. мн. 196 с..., *своѣ овыцѣ* в. мн. 196 с, *г. мцѣ* 166 в; особенно часто в календарных заметках: *мчницѣ* (много раз), *кловданицѣ* 171 а, *квчцѣ бцѣ* 204 d, *марикѣ магалыинѣ* 202 а, *еуфимикѣ* 168 в, *пелагикѣ* 171 а, *прка осикѣ* 172 с и др.

16. Галицкое Евангелие 1144 г. [ГЕ]. Правописание очень выдержано, но орфографическая система отличается некоторыми своеобразными особенностями; так, напр., последовательно пишется жч вместо ст.-сл. жд из о.-сл. *zđj*, *zđj* и *zg* перед палатальными гласными: *дъжчъ*, *одъжчи*, *ижченитъ*, *въжчладахъ са*, *ижчвиши* и т. п., также последовательно *дай.-месин. товѣ*, *совѣ*, в обоих случаях согласно с русским живым произношением. Другие руссизмы: *полногласие*: *полокы*, *полокелъ* 6 раз, *полокелі*, *полокелы*, *исполокелъ* Мф. 13, *солонѣ* Мрк. 9₁₅, *оумерети* Мф. 26₃₅; также: *человѣчскъ* Мрк. 14₂₁; в основе *сребр-* один раз написано е перед р: *серебряникъ* 58 об.; ч вместо ш: *чюжинухъ* Мф. 17₂₅, *чюжихъ* Мф. 17₂₆, *скръжъчетъ* Мрк. 9₁₈; к вместо л в падежных окончаниях: *воѣ* вин. мн. 66 об. (Мф. 27₆₈); может быть, руссизмом является и начальное ло в словах: *локътъ* 13, 148 об., *въ лодью* 192 об.

17. Типографское Евангелие № 1, XII в. [ГЕ 1]. Очень архаично по правописанию; вряд ли моложе ГЕ. Руссизмы: *полногласие*: *полокы* 6 об., *жерѣци* 20 об.; также: *человѣкы* 8 об. (ср. *человѣкъ* 13); ч вместо ш: *чюждниухъ* 30 (ср. *іѵ. тождниухъ*), *тысячи* 134; к в падежных окончаниях вместо л: *птицѣ* в. мн. 12, *илѣ* р. ед. 190, *притѣ* им. мн. 191 об.; может быть, руссизм и: *лоды* 65 об. (ср. *іѵ. въ ладни*).

18. Устав Патриаршей Библиотеки № 330, XII в. [У 330]; 273 листа. Писан в области северно-русского наречия, как показывают случаи смешения ц и ч (*въ вчина мѣсто* 18 об., *очю* д. ед. существует. 67, *двцю* в. ед. ж. р. прилагат. 142, *двць* им. ед. м. р. прилагат. 150 об., *на коньчъ* 125 об., *начатъчи* 220 об., *тагъцѣ* и др.) и употребление жг (*ражгати* 235 об.), но и те и другие не многочисленны. Руссизмов очень много: *полногласие*: *сторона*, *-ы*,

-ѣ, *-оу* много раз 20, 23 об., 24, 29 об. и др., до конца рукописи, *породыныа*, *-нон*, *-ноѣ*, *-ноу* и пр. много раз 40 об., 41, 43 об. и др. (неполногласная основа прилагат. *праздын-* редко, но обычно: *праздыникъ*), *оупорожняють же* 63 об., *серочинскон* 210 об., *коронимъ* (препятствуем) 211, *огородоу* 265, *передьниухъ* 36, *верезозоль* 162 об., *переткорени* 169, *перелетѣти* 261, *не вережемъ* 240, *паволокоу* 14 об., *паволоцѣ* 29, *солонѣ*, *-оу*, *-оу* много раз 208, 209 об. и др.; *полозаци* 220 об., *вологы* 243, *паполомоу* 273 об., *възголовице* 273 об. и др.; начальное ро вместо ра: *породы* много раз; начальное о вместо е: *единъ*, *-на*, *-ноу*, *-ного*, *-помоу*, *-нон*, *-ноу* и пр. много раз во всей рукописи; *осеньни* 246 об.; ч вместо ш: *чюжемоу* 219; к после согласных, к, н и е после гласных в падежных окончаниях вместо л: *неѣ* 5 об. и др., до *землѣ* 216 об. и др., *банѣ* 224 об., *чашѣ* в. мн. 205 и др. много раз, *хроушѣ* 208, *пѣницѣ* р. ед. 209 об., *масницѣ* им. мн. 209, *пышеницѣ* р. ед. 243 об., 244, *илѣ* 19 об., *пармикѣ* 156, 185 об., *въ келиѣ* 220, *ектиникѣ* 270, *своѣ конѣ* 218, *мннишкыѣ* 216 об., *добръѣ* 226, *оурочныѣ* 243, *патоѣ* 26 об., 34, *семотѣ*, *осмонѣ*, *деватоеѣ* 72; *пармне* 33, 171, *третинѣ* 25, *третинѣ* 26 об., *осмонѣ* 23, *деватое* 26 об., *породынон* 43 об.

19. Ефремовская Кормчая XII в. [ЕК]. Обширная рукопись на 310 листах очень большого формата. Руссизмы: ро вместо ра в соотвѣстїи с русским орѣ: *сковродѣ*, *сковродопечни*; ср. также: *человѣкѣ*, *-чскаго*, *-къ* (ср. *человѣкъ*); ч вместо ш: *печи са*, *речи*, *наречи*, *рѣчи infin.*, *острѣчи са*, *клевечюще*, *-щю*, *кѣдѣнѣюче*, *хочетъ*, *мьччютъ*, *дъчере*, *сестричича*, *чюжд-* и *чюж-* 29 раз; к вместо л в падежных окончаниях: *чѣтъцѣ*, *мцѣ*, *соуцѣкѣ*, *овыцѣ*; может быть, руссизм — *роста* им. ед. прич. (= *расты*).

20. Успенский Сборник XII в. [УС]; содержит жития святых за май, а также слова и поучения; писан 2-мя писцами: 1. лл. 1—46 об. [УС¹] и 2. л. 46 об. до конца [УС²]. Я просмотрел только лл. 1—115 (по изданию) и 265 об. — 270 (по рукописи). В состав УС входят между прочим 2 русские статьи: Сказание о Борисе и Глебе (УС¹, лл. 8—26) и Житие Феодосия Печерского (УС¹ и УС², лл. 26—67 с). Сравнение правописания этих статей с правописанием остальных статей, восходящих к ю.-сл. протографам, очень важно для выяснения русского правописания XII в. В приемах письма обоих писцов много общего: сравнительная архаичность в употреблении ѣ и ѣ, которые пропускаются очень редко и еще реже заменяются буквами о, е, отсутствие областных орфографических

приемов (напр. *ѣ* вместо *ѣ* перед слогом с *ѣ*, *ѣ* или написаний *шч*, *жч* и т. п.), но есть и заметные различия. Второй писец был грамотнее и не воспроизводил при переписке тех написаний оригинала, которые считал ошибочными; благодаря этому, в части жития Феодосия, переписанной 2-м писцом, меньше руссизмов, чем в части, переписанной 1-м писцом; на долю самого 1-го писца руссизмов переписанного им начала жития Феодосия отнести нельзя, потому что в Повести прор. Иеремии и в житии Афанасия в УС¹ таких руссизмов почти нет, между тем как в Сказании о Борисе и Глебе они чаще, чем в житии Феодосия. Перечислю руссизмы УС по статьям:

УС¹: 1. Повесть прор. Иеремии (л. 1—5 а): *ч вмѣсто ш*: *чюжен* 4 с; 2. Житие Афанасия (5 а—8 б): *клеветють* 7 б; 3. Сказание о Борисе и Глебе (8 б—26 а): *полногласие* (не считая собственных имен князей и городов, которые везде и в Сказании и в Житии пишутся в полногласной форме): *простерети* 9 с, *золото* 9 д, *коротилъ* 10 д, *къ оторопѣ* 12 а, *колодама* 15 б, *чересь днь* 15 д, *верстню* 15 д, *стеронѣ* 16 с, (в)орода 18 а, *дереканюу* 19 с, *волостьмъ* 20 б, *перенесеню* 20 с, *дереканѣ* 20 с, *на голокѣ* 20 д, *дереканюу* 21 а, *огородыникомъ* 21 б и др., всего 29 случаев; *начальные ѡ*, *ѡ вмѣсто ѡ*, *ра*: *лодню* 13 д, *локыть* 22 д, *ростригъ* 8 с; *начальное ѡ вмѣсто ѣ*: *одинъ* 20 с, ср. также *осѣ* 15 д, *одъка* 3 раза; *ч вмѣсто ш*: *хочю* 10 б, *хочете* 14 б, *хочши* 14 с, *очюжнги* 13 с, *чюжа* 17 д, *причютуче* 18 д, *печерскыи* 20 с, *печерскаго* 25 б; *ѣ вмѣсто ѡ* в *падежных* окончаниях 30 раз; *сокѣ* 15 с; 4. Житие Феодосия: *полногласие*: *измолода* 26 с, *городоу* 31 а и др., всего 16 случаев; *начальное ѡ* *вмѣсто ѡ*: *ростяше* 27 б; *начальное ѡ вмѣсто ѣ*: *одинон* 46 с, ср. *оже* 32 б, *одъка* 32 д; *ч вмѣсто ш*: *печерскаго* 26 а, *печерскыи* 35 б, 37 б, *печеры* 32 с, 37 а, *попечи сѡ* 37 а, *къдаваюче* 40 а, *сѣчи* 42 с bis; *ѣ в падежных* окончаниях *вмѣсто ѡ*: *вцѣ* 26 б, *вцѣ* 26 б, *келнѣ* 37 б и др., *недѣлкѣ* 37 д, *къкѣ* 38 д, *тъмьницѣ* 40 с; *сокѣ* 30 с bis.

УС²: 1. Житие Феодосия: *полногласие*: *золота* 47 д, *сопрокоротилъ* 53 д; также: *человѣци* 47 а, *человѣкомъ* 56 с; *ч вмѣсто ш*: *хочеть* 58 д; *ѣ вмѣсто ѡ* в *падежных* окончаниях: *хлѣвѣцѣ* 51 с, *ѡ братнѣ* 52 а и др., *ѡ братѣ* 59 а, *ѣ в. мн.* 52 а, *пригъръщѣ* 54 д, *свѣцѣ гороуцѣ* 56 д; 2. Житие Ирины (67—84 а): *полногласие*: *череда* 76 с, д; *ч вмѣсто ш*: *хочши* 70 д, *чюжь* 73 а; *ѣ вмѣсто ѡ* в *падежных* окончаниях: *чаиѣ* 67 д, *отроковицѣ* 68 д; *сокѣ* 70 б; 3. Житие Иова (84 б—86 д): *человѣкъ* 84 а—б; 4. Слово о кресте

(87 а—90 а): руссизмов нет; 5. Видение Исаии (90 а—95 а): *семаго*, *семаи* bis, *семѣмъ*; 6. Житие Христофора (95 а—102 б): *пожерети* 98 с; Житие Мефодия (102 б—109 с): *полногласие*: *въсколоша* 104 а—б, *корола* 106 д, *король* 106 д—107 а, *королеви* 107 а, *королю* 108 д, *чересь* 106 д; *ч вмѣсто ш*: *очющши* 107 а, *чюжен* 107 с; Слово о Мефодии (109 с—115 а): руссизмов нет; Слово Кирилла Александрийского об отцах Ефесского собора (265 с—270 б): руссизмов нет.

Из перечисленных памятников непосредственно по рукописям изучены мною И 73, КИ, СПт, АЕ, У 142, МЕ, ТЕ¹, У 330; по изданиям, но с проверкой по рукописям: М 95, ГЕ (впрочем, значительная часть ГЕ просмотрена непосредственно по рукописи), УС; по изданиям без сверки с рукописями: М 96, М 97, ТЛ, ГБ, РЕ;¹ об ОЕ сужу исключительно по статьям Козловского, Шахматова, Фортунатова и Каринского, о ПА — по статье Копко, но сомнительные и неясные места проверены мною по рукописи; для ЧПс я пользовался исследованием и словарём Погорелова и статьей Обнорского, но сомнительные места проверил по рукописи;² о ЕК сужу по статье Обнорского, но сомнительные места проверил по рукописи.

Не все памятники изучены мною с одинаковой полнотой. Наиболее внимательно я пересмотрел И 73, КИ, АЕ, У 142, первую половину МЕ, более бегло ГБ, СПт, М 95, М 96, М 97, 2-ю половину МЕ, ГЕ, У 330; из ТЕ¹ я бегло просмотрел менее половины; при просмотре ГЕ и напечатанной части УС останавливался не на всех явлениях, подлежащих изучению в настоящей работе.

III. Носовые гласные.

Ст.-сл. памятники ю.-сл. письма указывают на существование в языке их писцов 3-х носовых гласных: 1. *ж*, 2. *ѡ* и 3. третьей носовой гласной, являвшейся лишь диалектически в им. ед. м. и ср. р. причастий наст. вр. с основой на твёрдые в соответствии с *ѣ* других говоров и передававшейся частью особой буквой (Зогр. Мар.), частью безразлично буквами *ж* и *ѡ*; обозначу этот звук условно буквою *ѡ*, не предрешая этим вопроса об его произношении. В русском языке носовых гласных не было, и русские читали вместо

¹ Издание РЕ, как фототипическое, передает оригинал вполне точно; менее надёжно факсимильное издание ТЛ; издание ГБ безусловно не вполне удовлетворительно, но намеренных исправлений текста издателем не заключает.

² Сверка обнаружила ряд неточностей в издании и в работах Погорелова и Обнорского.

них соответствующие звуки своего языка: вместо ж — у, вместо л — а с предшествующей мягкостью, вместо ҃ — а, и потому на письме смешивали ж и ж с оу и ю, л и л с а и иа, а в им. ед. причастий ж и л с а. Кроме случаев такого смешения, в памятниках русского письма встречаются и другие случаи неправильного употребления юсов, восходящие к уклонениям ю.-сл. правописания и произношения. Рассмотрю эти случаи в таком порядке: 1. смешение ж и ж с оу, ю и л, л с а, иа; 2. смешение ж и л между собой; 3. смешение л с ҃; 4. следы ҃.

1. Смешение ж и ж с оу, ю и л и л с а, иа.

Из всех названных выше памятников только ОЕ, ТЛ и ГБ отличают юсы от букв оу, ю и а, иа более или менее правильно, представляя впрочем довольно значительное число случаев со смешением этих букв. Так, в ОЕ на слишком 2000 случаев правильной постановки ж и ж насчитывается 62 случая ж вместо оу, 40 случаев оу вместо ж, 65 случаев ж вместо ю и 150 случаев ю вместо ж, т. е. всего немного более 300 случаев ошибочной постановки этих букв или замены их другими. В ТЛ подобных случаев всего 9: хоулоу в. ед. 7, трѣкѣжъть 10, примоу 1 ед. 12, мѣлюци 15, имоушюоумоу 18, имоушюоумоу 18 (два случая в одном слове), мѣдѣщи 19, идоушамъ 19, тогда как случаев правильного употребления ж и ж более сотни. Значительно чаще при обычно правильном употреблении ж и ж случаи смешения этих букв с оу и ю в ГБ. В остальных памятниках русского письма ж и ж употребляются только, как дубликаты к буквам оу и ю, причем ж иногда отождествляется не только с оу, но и с ю. В части памятников уже в XI в. ж и ж вытеснены или почти вытеснены буквами оу и ю. К памятникам, употребляющим ж и ж или только ж более или менее часто, но не отличающим их по значению от оу и ю, принадлежат И 73¹, И 73², КИ, СПт, ЧПс,¹⁾ ПА, РЕ, ТЕ¹; редко употребляется

¹⁾ Отмечаемый Погореловым перевес случаев правильной постановки ж, ж перед неправильной в ЧПс получился от того, что писец по совершенно понятным основаниям в личных формах глагола предпочитает ж, а в падежных окончаниях (в. ед. ж. р., где правильно ж и в дат. ед. м. р. и р.-м. дв. ч., где правильно оу) употребляет оу и ж безразлично, в то же время решительно предпочитает ж перед ю, употребляя последнюю очень редко. Но так как формы в. и тв. ед. ж. р., формы причастий и личные формы глаголов с ж встречаются гораздо чаще, чем формы д. ед. м. р. и р.-м. дв. ч., где правильно ю, но где писец так же пишет ж, то случаи правильного употребления ж гораздо чаще, чем неправильного. Та же манера письма по отношению к ж и в И 73² и РЕ: в начале слова и после гласной их писцы вовсе не пишут ю, употребляя только ж или ж.

ж при отсутствии ж в АЕ¹, МЕ, ЕК, одном из почерков М 97; совсем или почти не встречаются ж и ж в АЕ², М 95, М 96, большей части М 97, У 142, ГЕ, У 330, УС¹, УС² и др.

В виду того, что случаи смешения ж и ж с оу и ю в ОЕ, ТЛ, ГБ, И 73¹, И 73², ПА и др. значительно чаще, чем другие руссизмы, предполагают (Козловский, Фортунатов), что это смешение было уже в ю.-сл. оригиналах этих памятников. Но доказать этого нельзя, так как частые случаи такого смешения могли быть вызваны тем, что для русских писцов правильное различение ж и ж с одной стороны и оу и ю с другой было труднее, чем сохранение других особенностей ст.-сл. правописания, не соответствовавших русскому произношению. Носовых гласных в русском языке не было, и писцы вместо них читали те же звуки, которые произносили в соответствующих случаях в своём языке; поэтому и ст.-сл. ж русские читали, как у. Правильному употреблению ж и ж мешало и то обстоятельство, что в падежных окончаниях являлись и ж и оу, и ж и ю, ср. ракоу д. ед. м. р. и раж в. ед. ж. р. и т. п., при этом даже в формах от одних и тех же основ, представлявшихся русскому писцу тождественными: сѣстраж в. ед. и сѣстроу р.-м. дв., моиж тв. ед. и мою р.-м. дв. Между тем различие иа и л или л облегчалось тем, что иа могло быть только в начале слов, после гласных и после л и н (см. ниже); большая часть других случаев несовпадения русского произношения со ст.-сл. правописанием не могла затруднять писцов потому, что русское церковное произношение в этих случаях не совпадало с русским живым произношением.

На то, что смешения ж и ж с оу и ю могло не быть в ю.-сл. оригиналах памятников русского письма, указывают между прочим такие руссизмы русских рукописей, которых безусловно не могло быть в их ю.-сл. оригиналах, но которые тем не менее также часты в русских рукописях, как и смешение ж, ж с оу, ю. Самым показательным из них является смешение л и л с а или иа, вызывавшееся тем, что русские читали л, как а после мягких неслоговых звуков.¹ С буквой а писцы могли смешивать л только после шипящих и ц, иногда также после р; обычно же после р и в остальных случаях л и л могли смешиваться только с иа. Правильное различение а, иа и л, л облегчалось тем, что в ст.-сл. письме иа

¹ Предположение Л. Васильева, что в произношении некоторых писцов согласные перед л не были мягки, основано на ошибочном толковании правописания памятников.

встречалось только в начале слова и после гласных, а из согласных только после л и н; ѡ и а после шипящих в основах являлись только в очень немногих словах, правописание которых нетрудно было поэтому запомнить; в начале же слова и после гласных ѡ было только в основах слов ѡаза, ѡзыкѣ, ѡти и ѡчѣмы,¹ в остальных основах было ѡ; относительно употребления а и ѡ после шипящих и ѡ и ѡ или ѡ в остальных случаях в суффиксах и окончаниях нетрудно было заметить, что а или ѡ пишется у глаголов на — ати и ѡти, кроме ѡати и сложных с ѡти и ѡати, в имперфекте, в суффиксах прилагательных и в тех падежных окончаниях, где и по русски произносилось а (им. ед. доуша, вола, род. ед. мѡжа, цѣсаря и пр.), а ѡ — в суффиксах причастий, в 3. л. мн. ч. наст. вр. и аориста и в тех падежных окончаниях, где по русски произносилось ѣ (род. ед. доуша, вола, в. мн. мѡжа, цѣсаря и пр.). Однако, несмотря на видимую лёгкость различения а, ѡ и ѡ, ѡ, смешение этих букв встречается в памятниках русского письма почти так же часто, как и смешение ж, ѡ с ѡу, ю. В ОЕ, где наиболее выдержано употребление этих букв, случаев смешения ѡ и ѡ с а и ѡ, главным образом после шипящих и других смягчённых согласных, а также в начале слова и после гласных, более 200 (8 случаев смешения а и ѡ после шипящих, 157 случаев с ѡ вместо ѡ, 9 случаев с ѡ вместо ѡ и 43 случая с ѡ вместо ѡ) на 1500 (приблизительно) случаев правильной постановки ѡ, ѡ и несколько большее число случаев с правильными а и ѡ в тех же положениях. Почти так же правильно употребление этих букв в ГБ. Но в ТЛ, где так выдержано употребление ж и ѡ, смешение ѡ и ѡ с а и ѡ значительно чаще: 16 раз написано ѡ или ѡ вместо а или ѡ и 8 раз ѡ вместо ѡ. В остальных памятниках русского письма употребление этих букв не стоит в зависимости от первоначального различия обозначаемых ими гласных. В большей части памятников ѡ и ѡ (ѡ почти не встречается) различаются лишь в зависимости от положения: ѡ пишется в начале слова и после гласных, а в некоторых памятниках также после этимологических смягчённых сонорных, ѡ — после согласных, в некоторых памятниках — за исключением положения после ст.-сл. смягчённых сонорных. Таково, напр., употребление ѡ и ѡ в И 73², ЧПС, АЕ¹, АЕ², большей части У 142, МЕ, У 330, УС¹, УС²: буквы ѡ в начале слова и после гласных, ѡ после согласных (кроме смягчённых сонорных) в этих

¹ Как раз во всех этих основах в ОЕ встречается ѡ, а основа мѡчм- написана несколько раз исключительно с ѡ.

памятниках почти не встречаются; сравнительно редки отступления от этой системы в И 73¹, СПт, М 96 и ЕК, причём в И 73¹ эти отступления по большей части представляют следы ст.-сл. орфографии. В М 97 и ТЕ¹ в начале слова и после гласных обычно пишется ѡ (ѡ в этом положении встречается редко), после согласных рядом с ѡ часто пишется ѡ. Наоборот, в ГЕ после согласных пишется только ѡ, в начале слова и после гласных — ѡ и ѡ. Смешанно употребляются буквы ѡ и ѡ в М 95 и меньшей части У 142, причём в обоих часто ѡ после согласных. В КИ обычно ѡ и ѡ, а ѡ употребляется сравнительно редко. Исключительно ѡ в соответствии как ст.-сл. ѡ, так и ст.-сл. ѡ, пишется в АЕ³ и РЕ.

Употребление ѡ и ѡ в памятниках русского письма носит такой характер, который мог возникнуть только на русской почве и потому определённо говорит за то, что и распространённость смешения ж, ѡ с ѡу, ю могла явиться в памятниках русского письма независимо от того, было ли такое смешение в их ю.-сл. оригиналах или не было.

2. Смешение ж и ѡ.

В русских рукописях такое смешение могло явиться только под влиянием их ю.-сл. оригиналов, при чем могло отразиться также и в смешении ѡу, ю, написанных вместо ж, ѡ, с а, ѡ написанными вместо ѡ, ѡ. Если не считать таких чередований, как тѡсаща и тѡсѡща, горѡща и горѡща, встречающихся во многих русских рукописях и не имеющих отношения к рассматриваемому явлению, то остаются три рукописи со следами смешения ж и ѡ:

- АЕ¹: 1. творити ѡ (= творитѣ ѡ) прѣлюкѣ 39.
 2. ѡко хощете да творю (= творатѣ) вамѣ члѣци 49 об.
 ЧПС: 1. съхранѡша ѡ || же (= ѡ же) приѡша вѣрѡ 29 а-б.
 2. на корѡшнихѣ чѡкѣ 73 в.
 3. не гѡбѡштѡ рече имать дѡрѡжѡ 67 в.
 4. вѡж тѡрѡ крѡма и стрѡю (= стрѡѡ) 164 а.

Менее ясны другие случаи, приводимые Погореловым:

5. разѡнници ко сѡть (в греч. тексте: φηβιν = сѡть?) рѡтѡнници 38 а.
 6. на нѡ жѣ вѡсѡдѣ (греч. ἐπιβη — вѡсѡде > вѡсѡде?) 79 в.
 7. ты сѡвѡрши зѡрѡ (в. ед. = зѡрѡ — или мн.?) и сѡнѡце

Несколько больше таких случаев в ПА:

1. яко насыти дша тѣща и дша ааѣоуща напѣни блага Пс. 106⁹ (греч.: *ψυχήν κενήν καὶ ψυχήν πεινάσαν*, ср. Син. Пс. дшж тѣщж: и дшж лачжщж); можно заметить, что вместо „насыти дша“ писец сначала написал „насыти | шм“ и потом уже приписал д.

2. въскѣмъ оугаждаж не иштж (*οὐ ζήτων*) скоем полъза 1 Кор. 10³³. То же чтение в Слепченском апостоле (оугаждаѣхъ не иштж) и в нескольких ю.-сл. текстах XIV в.; ср. не иштж Рост. апост. 1220 г., не ишта б. ч. русских текстов XIV в.

3. и въврѣоутъ ѡж (*αὐτοῦς*) въ пиштъ огнемъ горжштжж. Мф. 13⁵⁰. То же чтение в Савв.

4. и любить милостына (*ἐλεημοσύνην*) и сждѣ гѣ. милость и сждѣ храните. грѣхы твоа милостынами (*ἐλεημοσύναις*) оцѣсти. 213.

5. поспѣласте ми трѣбованне. приема вса ѡзвѣгтѣкоуи. испаннхъ приема (*ἀπέχω πάντα καὶ περισσεύω πλεήρομαι* . . .). 216.

6. за истъствннжж ихъ любѣве и трѣдѣ егоже прѣтрапѣваа. (*ὑπομένουσιν* 3 мн.) о въскрѣмленни ихъ. и печаль ѡже имѣтъ днь и ночь 238 об.

7. и оупасеть правдыннж дшж (*ψυχάς*) скотъ своихъ 248.

8. полъзж исправленне (*σωτηρίας διόρθωσης*) 249 об.

9. невѣрнн. паче же моучени бѣдѣтъ за лѣжа (*διὰ τὸ ψεῦδος*) ихъ 277.

10. зръцала чиста ѡ бескърнна. приатива свѣтлоначалнѣна. и бгоначалнѣна лѣча. сна (*ταύτην* ср. *ἄκτινα*) же пакы незавиднѣ въ прочаа въскѣнжща (*ἀναλαμβάνοντα* i. e. *ταύτην*) 277 об.

11. очищѣюще присно дша (*ψυχήν*) 283.

12. страхъ бжнн ноудитъ нѣи брати сѣ. съ зольж. намъ же борющемъ сѣ. благодѣтъ гнѣ оубиваетъ ѡ (*αὐτήν* ср. *κακίαν* = зѣль). 288.

13. не оубоите сѣ оубивающнхъ тѣло. а дша не мооу || щѣ оубенти. бойте же сѣ паче имоуштаго власть по оубвннѣ дша (*τὴν ψυχήν*) ѡ тѣло пооубенти 289 об.—290.

14. слышѣхомъ во итера пришьдѣша на въстокъ. предѣтча (*πρόδρομον*) антихрѣстога, хотѣща . . . 298 об.¹

Большая часть этих примеров объяснима и без предположения смешения. Так, в 1., 4., 9., 11. писец мог употребить множ.

¹ Все приведенные примеры указаны Копко (Изв. 20. 3. 169—170). Я лишь сверил их с рукописью и греч. текстом в изд. Миня и увеличил для ясности размер выписок, чтобы иметь возможность отнестись к ним критически. Остальные примеры, приводимые Копко, не могут быть отнесены к случаям мены л и ж.

число: в 1-м примере ед. ч. в оригинале имеет обобщающее значение и потому могло быть заменено множественным, в 4. множ. милостына могло явиться под влиянием дальнейшего милостынами, в 9. и 11. множ. число слов лѣжа и дша может стоять в связи со множественностью субъектов, обладателей этих признаков. Наоборот, в примере 7. могла быть обратная замена множ. числа единственным. В примерах 2., 5., 6. могло быть смешение личных форм с причастными по синтаксическим причинам. В примере 13. дша неправильно отнесено к слову оубвннѣ, причѣм на написание это могло повлиять дша на предыдущей строке. В примере 10. писец мог принять лоуца за вин. множ. и согласовать с этим словом дальнейшие прилагательные. Для остающихся примеров тоже могут быть подысканы другие причины. Тем не менее, вся совокупность примеров, указанных Копком, говорит за присутствие случаев смешения ж и л в ю.-сл. оригинале ПА. То же можно думать и о ю.-сл. оригинале или прототипе ЧПс. Труднее сделать решительный вывод из двух примеров такого смешения в АЕ.¹

Неясно лѣжоущемъ (= лежаштемъ?) и въстающемъ в КИ, 153 об.

3. Смешение л и ѣ.

Следы такого смешения можно видеть в И 73², КИ и ПА:

И 73²: по единого сѣ имать (3 ед.) 93 с, жены за моуже (в мн.) 147 а, поамлють сѣ 212 в, капаннхъ 261 в.

КИ: има твоа 3, раскатъ сѣ 3 ед. 94, принесть же сѣ 3 ед. 242 об.;¹ приемлице 250, вероятно, описка (иначе: ж > л > ѣ), обрѣщемъ 258 нефонетическое новообразование.

ПА: излюкодѣше 3 мн. 48, лѣжштитѣ в. мн. 85 об., огрѣвающе сѣ в. мн. 279, щѣдитъ 244 об.

Единичные случаи смешения ѣ и л встречаются и в других рукописях:

ЧПс: надежде 92₁, приносашта (=ѣ) 64 об.

АЕ²: отроче зв. (вм. отроча) 168.

Вероятнее всего можно предполагать наличие случаев смешения л и ѣ в оригиналах И 73² и КИ, но примеров не достаточно для решительного вывода; случаи смешения л и ѣ в ПА и тем более, в ЧПс и АЕ² допускают и другое объяснение.

¹ Место неясное: да принесть же сѣ нынѣ дѣщери (так!) соунагогоа; в греч. *παράφερέσθω ὑβὴ καὶ ἡ θυγάτηρ τοῦ ἀρχισυναγώγου*.

а

В ю.-сл. оригиналах памятников русского письма *а*, если встречалось, передавалось буквами *ж* и *л*. Такие написания мне известны только из трех русских рукописей, восходящих к ю.-сл. оригиналам: И 73¹: *живан* 7 с, *жъра* 82 в; ГБ только в причастии *сы*: *сж* 111 а, *сжи* 70 а, 157 а, *сл* 125 а, *сли* 334 г; ЧПс. *сжи* 74 в, 80 г, *живжи* 9 б, *славжи* 97 в. Что касается написаний У 330: *нда* 23, *чѣтан* 200, то, повидимому, это — новообразования, возникшие в русском языке и с течением времени вытеснившие старые причастия на *а* после твердой. В тех же рукописях обычные встречающиеся в большом количестве причастия на *-ы*. Очевидно эти последние были обычны и в ю.-сл. оригиналах и прототипах русских рукописей XI и XII в. и в таком именно виде являлись и в русском церковном произношении, как показывают все русские рукописи XI и XII вв. и русские церковные рукописи более позднего времени, в которых причастия на *-ы* господствуют. Кроме отмеченных причастий на *ж* и *л* в памятниках русского письма XI и XII в. встречаются немногочисленные примеры причастий на *а* с основой на твердую согласную: И 73²: *река* 118, *приспотики* 247 а, *прима* 214; КИ: *ваька* 60; СПт.: *не сѣда* 176; У 142: *пека сл*, *всьемоган* 119; М 95: *зока bis*; М 96: *зока bis*, *зѣка*, *не мога*, *всьемога*; М 97: *жива bis*, *зока* (много раз); МЕ: *нда* 204; У 330: *чѣта* 174 об., *нда* 197, *ѣда* 221 об.; УС¹, Сказ. о Бор. и Гл. *река* 13 в, Ж. Феодосия: *доида* 31 а, *не дада*, *пека* 42 в; УС², Ж. Феодосия: *ѣда* 50 с, Ж. Мефодия: *всьемоган* 102 в; ЕК: *жива* 6 раз, *пека сл*, *кѣкни*, *кѣган*, *отѣтъгна*, *мога*, *са* и *сан* 4 раза, *кѣда* 2 раза, *чѣта*. В тех же рукописях господствуют от основ на твердую причастия на *-ы*, встречающиеся в очень большом количестве. В ОЕ, ТЛ, КИ, АЕ¹, АЕ², РЕ употребляются исключительно причастия на *-ы*. Незначительное количество примеров причастий на *-а* не позволяет решить, следует ли в них видеть руссизмы, независимые от того, что было написано в ю.-сл. текстах, или русскую передачу (согласную с русским живым произношением) ю.-сл. причастий на *а*. В последнем случае можно бы думать, что причастия на *а* не только встречались изредка в ю.-сл. рукописях, проникших на Русь в XI в., но и существовали в живом языке некоторых из бывших тогда на Руси южных славян.

(Наставиће се.)

✓ Н. Н. Дурново.

Из живота речи.

Dijavolъ — διάβολος.

У прошлом смо поглављу покушали да подамо слику семантичкога живота општесловенске речи *богъ* ‚Deus‘, а сада ћемо се позабавити словенским именима и називима за појам *dijavolъ* — *διάβολος* у хришћанском смислу. Док за ознаку помисли ‚Deus‘ влада, како смо видели, јединственост и потпуно слагање у свим словенским језицима, ‚diabolus‘ напротив има у Словена вишеструку и врло разноличну терминологију. Ту појаву можемо да психологски најзбијеније протумачимо одатле, што појам ‚Deus‘ преставаља у себи јединствену савршеност и врхунац свега позитивнога и доброга — апсолутну симпатију, а ‚diabolus‘ је представник деструктивности и негације, дакле мањкавости која је по себи разнолична и антипатична, па се тако и у језику рефлектује јединственост првога према многостручности потоњег појма.

Словенске називе за ‚diabolus‘ поделићемо у три категорије и то:

- I. имена која су преузета из других језика;
- II. имена словенскога порекла и
- III. имена еуфемистичка.

I. Имена која су преузета из других језика.

Овамо иду у главном: стсл. *dijavolъ*, *dvjavolъ*, *satana*, (стсл. срп.) *sotona* и *demonъ* од којих је прво име т. ј. *dijavolъ*, *dvjavolъ* преко црквенога језика ушло у народни говор и удумаћило се као популаран назив за ‚diabolus‘ и остало све до наших времена нарочито код јужних Словена, и то поименце код Бугара, Срба и Хрвата штокаваца, мање код кајкаваца и Словенаца, затим у западних Словена, Чеха и Пољака, дочим у Руса и Малоруса повлачи се још оскудно и то само у говору који је више у вези са црквеним шивотом. *Satana*, *sotona* и *demonъ* нису ни у којем од словенских језика дошли до какве веће популарности нити су игде до данас сачували карактер каквих нарочито удумаћених назива за ‚diabolus‘, како ћемо разабрати ниже из нашега приказа о њима.